

31 ДЕКАБРЯ

РОМА ДЕНАБРЕВ

Родился в 1992 году в Твери. Окончил МИЭТ, МФТИ, живет в Зеленограде. Участник мастерских прозы в рамках образовательного форума

«Таврида», а также Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья «Липни». Автор прозаических и драматургических произведений.

Декабрь, 31-е.

Ах, мошка-мошечка, зачем бы мне всю жизнь не щуриться заплаканными глазами, выискивая твое жужжание на фоне абажура? Я лежу у матери на коленях, она читает мне вслух «Котика Летаева», и, глядя на снежные хлопья за окном, я и сам становлюсь котиком: сворачиваюсь клубочком и, мерно покачивая полосатым хвостиком, мурчу. В полудреме прижимаю к груди заштопанную куклу – лоскутного арлекина Пьеро.

Часом ранее я не удержался и, воспользовавшись тем, что мама отошла по делам, залез под елку и открыл свой подарок. На дне коробочном в бумажной стружке лежала пестрая кукла с пыльным батистовым воротником, лежала и вопрошала без слов: «Кто я?» Мое любопытство на этом не остановилось, и я достал ее на свет: вишневая в черный крап, с золотистыми пуговками: ты – Пьеро. Пользуясь случаем, я представил Пьеро стеклянным снегирем, сидящим тут же на елочных ветках, те же лишь тревожно закивали на половину шестого часов. И да, надо было бы убрать Пьеро на место, но я, вновь поддавшись искушению, решил быстренько разыграть одну цирковую партию – под куполом раскинутого меж спинок двух стульев одеяла. Что могло пойти не так? Я зажег магический фонарь и с нетерпением сделался зрителем: усач в тюрбане выдувал струи пламени,

клоуны паясничали как не в себя, акробаты привычно парили на кольцах. Когда в шатер вступил Пьеро, все артисты разом побросали дела и окружили незнакомца, даже лошади не остались в стороне – приветственно отвели его манжеты на вкус; последней к новичку приблизилась бесшумной походкой Премудрая княжна с лазурным штрихом на щеке (каюсь, мой грешок): «Здравствуйте, Пьеро. Как вы могли заметить, у нас здесь цирк. Даже оркестровая яма тут имеется. Волки ездят на велосипедах, мышки танцуют балет, силачи поднимают машины. А что умеете делать вы?»

Юного арлекина смутил скорее даже не сам вопрос, но пренебрежительный тон лучезарной княжны, и потому он не только не нашелся сразу, что ответить, но и к тому же залился румянцем в цвет своего трико.

«Не говорите только, – усмехнулась она, – что краснеть – это ваш единственный талант».

Со всех сторон раздались смешки.

«Нет, не единственный, – наконец выпалил он. – Я хожу по натянутой нити... над раскрытыми ножницами!»

«О, так вы акробат? А по вам и не скажешь!»

«Это не так». Ему вдруг стало жизненно необходимо всем им что-то доказать.

«Тогда, верно, фокусник?» – спросил наглого вида клоун.

Снег на маминых сапогах быстро таял; успокоив меня в объятиях, она скинула пальто, надела домашние очки и направилась к месту трагедии, чтобы оценить масштаб бедствия. Я в это время театрально наматывал круги на кухне, поедая себя изнутри и спотыкаясь о мебель. Спустя пару минут ее фигура наконец выросла на пороге: «Ничего страшного, жить будет», – заключила она и потянулась к верхнему ящику, где хранилась шкатулка с волшебными иголками и нитками, при помощи которых хмурыми вечерами она создавала из кусочков отжившей ткани персонажей для моего цирка.

«Не больше, чем каждый из нас».

«Философ тут имеется, – постучал по заостренной шляпе косоглазый звездочет в шелковой мантии, – полезайте-ка на стул и продемонстрируйте нам свое умение».

Делать нечего, пока юный арлекин карабкался, совы умело растянули алую льняную нить над пропастью, а силачи понатаскали ножниц – всяких-разных, сколько нашлось в доме. Наконец добрался Пьеро до верху, стоит у края – поджилки руками придерживает. Снизу все уж готовые дыханье задерживать собрались, смотрят, шушукуются.

«Авось, и впрямь сможет?»

«Не сможет».

«А я думаю, сможет!»

«Что в этом такого, взял да ножками топ-топ! Я бы и на руках сумел!»

«Докажи! Ты только трепаться и умеешь!»

«С радостью... да вот незадача, только вспомнил, давеча ведь я кисть потянул, жонглируя пушечными ядрами...»

«Естественно!»

«Расшибется же, дурак!»

«Не сможет, не верю...»

«Вам когда-нибудь доводилось этим заниматься? Это на самом деле очень опасно и вовсе не обязательно», – услышал вдруг Пьеро все такой же надменный голос Премудрой девицы. Приблизившись вплотную к краю, он различил ее крошечную фигурку, очаровательно сложившую рупором ладоши перед ртом.

«Доводилось! Каждый день и каждый час!» – ответил он.

«Ладно, Пьеро, так и быть, мы вам поверили, – крикнула она куда более мягким тоном, – вам удалось нас впечатлить, теперь спускайтесь».

Этот снисходительный тон еще сильнее задел его игрушечное нутро, и, оглянувшись на свою короткую пустую жизнь, он решился. Все произошло неожиданно, кажется, даже сам арлекин не до конца сообразил, как вдруг вскочил на льняную нить, быстро продвинулся по инерции шагов на пять-шесть, но затем потерял равновесие, взмахами рук безуспешно попытался нащупать центр тяжести и, издав короткий и в чем-то даже удивленный крик (получилось что-то вроде «о!»), свалился прямиком на распахнутые лезвия.

Я в этот момент сидел в первом ряду один-единешенек, ничего не видя и не слыша, и, не способный исправить нелепую оплошность судьбы, не знал, как к этому отнестись; в отчаянье детском принялся метаться из стороны в сторону, прямо как муха на фоне пыльного абажура. Укором провожали мои метания угловатые кресла, секретер и сервант, а Пьеро лежал, выставив напоказ свои лоскутовые внутренности; вокруг него молча столпились балерины, жонглеры, предсказатели, мыши... Лишь Премудрая княжна не могла найти сил, чтобы взглянуть на тело несчастного.

«Это случится с каждым из нас», – наконец произнес кто-то негромко (то ли дрессировщик, то ли лев), а я никак не мог поверить в реальность происходящего, ощущал лишь, как всё – ширится, нарастает в душе чувством многократно превосходящей меня неизбежности... Вдруг хлопнула входная дверь – мама вернулась.

«Это несчастный случай, это несчастный случай: арлекин рухнул с натянутой нитки! У него не было страховки, почему он ее не надел?..» – закричал я, закрывая лицо руками.

Снег на маминых сапогах быстро таял; успокоив меня в объятиях, она скинула пальто, надела домашние очки и направилась к месту трагедии, чтобы оценить масштаб бедствия. Я в это время театрально наматывал круги на кухне, поедая себя изнутри и спотыкаясь о мебель. Спустя пару минут ее фигура наконец выросла на пороге: «Ничего страшного, жить будет», – заключила она и потянулась к верхнему ящику, где хранилась шкатулка с волшебными иглами и нитками, при помощи которых хмурыми вечерами она создавала из кусочков отжившей ткани персонажей для моего цирка.

На потрескавшейся и выцветшей крышке едва ли можно было различить склоненный к плечу лик пожилой женщины, укрывшей волосы платком; в этой изъеденной желтизне, казалось, таится застывшее спокойствие прошлого с его пустынными городами и переулками, наводненными манекенами, которых неспособно более касаться дуновение стрелок часов.

«Эта шкатулка досталась мне от моей бабушки, твоей прабабки», – произнесла мама ласково, целясь нитью в крошечное ушко.

«Можно эту?» – спросил я, виновато протянув ей роковой канат, натянутый над ареной.

«Как пожелаешь».

А потом она запела что-то тихо-тихо, и тревога моя окончательно отступила, отступила даже моя непоколебимая уверенность в том, что подобные травмы несовместимы с жизнью. Зашита, утолена рана, протянувшаяся от бедра до ключицы в моем воображении. Пьеро был слаб и пока не приходил в себя, но, главное, он здесь, с нами, пульс едва, но прощупывается. Я кивнул снегирям – они передадут остальным, чтобы те не волновались.

Вечереет. Я крепче прижимаю к груди арлекина, на чьем кукольном брюхе растянулся огромный алый шов, ввергающий меня в необъяснимую приятную печаль. Сквозь прищур в полусне слежу я за мошкой, что летает кругами у медового света лампы, так и норовит сесть на стекло, но всякий раз обжигается и вновь принимается летать вокруг.

